

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация выполнена в рамках лингвокультурологической парадигмы исследований, позволяющей выявить взаимосвязь языка и культуры, особенности воплощения в языковых формах стереотипов национального сознания [Залевская 1990; Рут 1992; Телия 1996; Арутюнова 1998, 1999, 2001, 2006; Кусова 1999; Воркачев 2001; Корнилов 2003; Урысон 2003; Маслова 2004; Маковский 2006; Демидова 2006, 2007; Коновалова 2001, 2006, 2007 и др.]. Исследование формирования и функционирования того или иного фрагмента картины мира наиболее полно может быть осуществлено при реализации именно лингвокультурологического подхода к языковому материалу. Одним из наиболее «культуроносных» фрагментов языковой картины мира является семантическая сфера сакрального, которая является частью традиционной крестьянской культуры.

Актуальность предпринятого исследования определяется, с одной стороны, тем, что со сменой системоцентрической парадигмы изучения языка на антропоцентрическую проблема преломления в языке знания человека о «сверхъестественном» становится неотъемлемой частью изучения наивной картины мира. С другой стороны, в современной речевой практике отмечается толкование сакральных названий через профанные мотиваторы и т.п. смещения, сдвиги в интерпретации исходных «значений» соответствующих номинаций. Это свидетельствует о динамичности этнокультурных стереотипов, в том числе связанных с осмыслением семантики фитонимов.

Народные названия растений исследовались в разных аспектах: мотивационном [Боброва 1974; Блинова 1981; Голев 1981; Вендина 1998], культурологическом [Забылин 1997], системно-структурном [Арьянова 1989], ономазиологическом [Голев 1981, Копчева 1985, Вендина 1998, Коновалова 2001],

Анализ фитонимов в лингвокультурологическом ключе позволяет выявить степень актуальности для носителей современного литературного языка сакральных компонентов значения.

Объектом данного исследования является сакральная фитонимия.

Предмет исследования – лингвокультурологическая интерпретация сакральных смыслов, закрепленных в сакральной фитонимии.

Понятие «сакральный» (от лат. sacer, sacri ‘священный, святой’) в узком смысле определяется как «священный, относящийся к религиозному культу; обрядовый» [Крысин 2003]. По мнению Р. Кайуа, сакральное и профанное – два представления о мире, которые могут быть определены лишь один через другой, они взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга. Сакральность принадлежит как свойство некоторым вещам (предметам культа), некоторым людям (святым), некоторым пространствам (церкви), некоторым моментам времени (дням Пасхи, рождества и т.д.). Религиозная жизнь выступает как сумма отношений человека и сакрального. Они излагаются в верованиях. Эти взаимоотношения должны строго регламентироваться. Средствами

их практического обеспечения служат обряды. Именно от сакрального верующий ждет всяческой помощи и всяческих удач.

В качестве основополагающего для цели нашего исследования мы принимаем широкое определение сакрального [Коновалова 2007]. При таком подходе, кроме традиционно выделяемого набора компонентов¹, связанных с религиозным культом и мифами, в объем понятия «сакральное» включается целый «спектр сакральных характеристик нескольких семантических полей: а) ‘священный’, ‘обрядовый’, ‘ритуальный’, ‘таинственный’, ‘магический’, ‘сверхъестественный’; б) ‘относящийся к существу, персонажу, лицу, вещи, зданию, действию, таинству’» [Коновалова 2007: 8]. Существенным при этом является постулат о том, что «сакральность – явление комплексное, его значение может быть передано разными кодами: вербальным (тексты, языковые формулы), акциональным (действия, обряды, ритуалы), предметным (вещи, здания), субъектно-объектным (существа, персонажи, лица) и т.д.» [Коновалова 2007: 9].

Данное определение сакрального открывает возможности интерпретации сакральной фитонимии с учетом разного рода культурологической информации, представляющей сферу сакрального в русском языковом сознании.

К сакральной фитонимии мы относим, с одной стороны, народные названия растений, содержащие в своей семантической структуре сакральный смысл. Он может быть закреплен во внутренней форме наименований, например, *божья милость*. *Это зверобой похвально божья милость зовут, он сильно лекарственной* [КС: 39]. С другой стороны, – названия растений, внутренняя форма которых не указывает на связь со сферой сакрального, но сопряженные с фитонимом сакральные смыслы выявляются в идиоматике или показаниях языкового сознания носителей литературного языка или говоров. Например, *белена*. *Используют для привораживания, как любовно средство* [КС: 28]. Таким образом, сакральное в народной фитонимии может быть формально выражено или не выражено.

Сакральный смысл может быть представлен в семантической структуре фитонима по-разному. Если внутренняя форма названия прозрачна, то мотивировочный признак входит в состав лексического значения, если же внутренняя форма «стерта», затемнена, то сакральный смысл эксплицируется в процессе установления связи названия с разными кодами, транслирующими культурную информацию (ритуалы, обряды и т.д.).

Для классификации сакральных фитонимов нами учитывались следующие критерии: а) наличие в фитониме лексических маркеров сакральности (*Бог, Богородица, дьявол, леший, Христос, черт* и др.), например, *богородка, бо-*

¹ Ср.: Сакральное – 1. Вымышленные, наделенные сверхъестественными качествами существа – персонажи религиозных мифов; 2. Религиозные ценности – вера «истины», вероисповедания, таинства, церкви; 3. Совокупность вещей, действий, текстов, языковых формул, зданий и прочее, входящее в систему культа [АС 1984: 391].

жья чарка, дьявольское окушение, лешак, Христова роса, чертова зелье и др.; б) наличие в словарной дефиниции компонентов, с помощью которых осуществляется семантизация сакрального ('связь с религиозными представлениями', 'связь с народными поверьями', 'связь с мифологией', 'использование в обряде, ритуале', 'связь с традиционными народными праздниками', 'использование в колдовстве', 'использование в знахарской практике, народной медицине'); в) на сакральность фитонима могут указывать и контексты употребления, например, **третница**. Третница от дихоманки лецит, надо правильно собрать и правильны слова (=заговор) сказать, так-ту не помогут [КС: 195].

Цель исследования – выявить культурную информацию, содержащуюся в сакральных фитонимах, тенденции, связанные с их функционированием, и актуальность для носителей языка маркеров сакральности в структуре лексического значения.

Данная цель может быть достигнута решением следующих **задач**:

1. Определить значимость внутренней формы сакральных фитонимов для «считывания» культурной информации.
2. Описать структуру лексического значения сакральных фитонимов.
3. Выявить коннотативные компоненты, в том числе этнокультурные коннотации, в значениях сакральных фитонимов.
4. Определить типы национально-культурной коннотации, содержащейся в семантической структуре сакральных фитонимов.
5. Выявить тенденции, связанные с функционированием сакральной фитонимии в литературном языке и говорах.
6. Выявить актуальность для носителей языка маркеров сакральности в структуре лексического значения сакральных фитонимов.

Методологически значимым для лингвокультурологической интерпретации сакральной фитонимии является понятие культурной коннотации, содержание которой составляет «соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом» (В.Н. Телия). В культурную коннотацию фитонимов нами включается разнообразная информация, сопряженная с его функционированием в различных сферах традиционной народной культуры и отражающая связь наименования с религиозными и мифологическими воззрениями народа, с его праздниками, обрядами, ритуалами, народным календарем природы, магико-ритуальной практикой народной медицины и т.п. Такая информация может фиксироваться внутренней формой фитонимов, народной идиоматикой, контекстами, спонтанно выявляющими показания языкового сознания.

Выбор **методов исследования** обусловлен спецификой поставленных задач. Для тематической классификации сакральных фитонимов использовались методы компонентного, контекстуального, структурно-семантического анализа, а также методы классификации и сопоставления. При выявлении

мотива наименования для фитонимов с затемненной внутренней формой использованы элементы этимологического анализа. Для сбора и обработки полученного материала использовались методы сплошной выборки из лексикографических источников. Для выявления актуальности восприятия носителями языка маркеров сакральности в структуре лексического значения использовались психолингвистические методы (свободный и направленный ассоциативные эксперименты), методы ономастического эксперимента и прямого толкования. В качестве дополнительных исследовательских процедур использовались методы анкетирования и статистического представления результатов исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в определении объема понятия «сакральная фитонимия». Выявлены тенденции, связанные с функционированием сакральной фитонимии в литературном языке и говорах. Определены факторы, обуславливающие осознаваемость сакрального компонента носителями современного литературного языка и говоров.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке алгоритма лингвокультурологической интерпретации сакральных фитонимов. Процедура «считывания» и воспроизведения мотивационного кода в сознании носителей языка включает соотнесение мотивационной формы и мотивационного значения фитонима с учетом языковых и внеязыковых (культурных) пресуппозиций.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов работы в лексикографической практике при составлении лингвокультурологических словарей сакральной фитонимии, полученные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании курсов этнолингвистики, социоллингвистики, лингвокультурологии и других интегративных лингвистических дисциплин. Разработанная методика лингвокультурологической интерпретации сакральной фитонимии может найти применение и для других групп лексики (или для других семантических классов).

Материал исследования и источники языкового материала:

Материал для описания номинаций сакральной фитонимии извлечен методом сплошной выборки из «Словаря народных названий растений Урала» [Коновалова: 2000] и «Словаря русских народных говоров» (т. 1–40) [Филин: 1965-2006], Национального корпуса русского языка (электронный ресурс <http://www.ruscorpora.ru/>), используются также данные, полученные в ходе экспериментов. Для определения характера символических смыслов, содержащихся в сакральных фитонимах, мы использовали данные словарей символов, мифологических, культурологических, этнолингвистических и др. (см. список источников). Общий объем проанализированного материала, полученного в ходе эксперимента, составляет 6386 единиц. В результате свободного ассоциативного эксперимента получено 2392 ассоциаций, направленно-

го ассоциативного эксперимента – 2394 ассоциаций, ономаσιологического эксперимента – 800 толкований, метода прямого толкования – 800 толкований.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сакральная фитонимия – народные названия растений, содержащие в своей семантической структуре сакральные смыслы: ‘сверхъестественное’, ‘священное’, ‘нечистое’, ‘используемое в народной медицине’, ‘обрядовое’, ‘ритуальное’, ‘магическое’.

2. Внутренняя форма является одним из способов закрепления и представления сакральных смыслов, заключенных в фитониме.

3. Сакральная информация может быть представлена и не представлена во внутренней форме слова. Методика анализа сакральных фитонимов разных типов предполагает разные процедуры: если сакральная информация представлена во внутренней форме, то достаточно выявить и интерпретировать мотив наименования и описать семантическую структуру слова. Если же сакральная семантика фитонима не представлена внутренней формой, то она выявляется в результате интерпретации культурной семантики, связанной с обрядами, ритуалами, легендами и т.п. «контекстом» функционирования фитонима.

4. В процессе функционирования сакральной фитонимии наблюдаются противоположные тенденции: к десакрализации и спорадическому восстановлению исходных сакральных смыслов.

5. Актуальность сакральной семантики для носителей современного русского языка обусловлена следующими факторами:

- прозрачность / непрозрачность внутренней формы наименования;
- знание/незнание самого денотата;
- общий уровень лингвистической и культурной компетенции носителей языка;
- знание/незнание обрядов, ритуалов, с которыми связана культурная информация.

Основные положения диссертации апробированы на VII Конгрессе этнографов и антропологов России (Саранск, 2007), региональной научно-практической конференции «Философия и наука» (Екатеринбург, 2006), межвузовской научной конференции «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2005), международной научной конференции «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 2008). Автор выступал с докладами на аспирантских семинарах кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета. По теме диссертации опубликовано 8 статей, в том числе одна статья в рекомендуемом ВАК издании.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение, библиографического списка, списка источников языкового материала, Приложения.

Краткое содержание работы

Во **Введении** определяются объект, предмет, материал исследования, его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель и задачи работы, положения, выносимые на защиту.

Глава 1. «Языковая картина мира. Сакральная фитонимия как отражение стереотипов национального сознания» посвящена исследованию проблемы соотношения языка и культуры и состоит из следующих разделов: «Подходы к изучению языковой картины мира» (1.1.), «Стереотипы национального сознания и формы их выражения в языке» (1.2), «Внутренняя форма фитонима как знак сакральности» (1.3).

Проблема взаимоотношения человеческого мышления и языка впервые освещалась в трудах В. фон Гумбольдта. Он утверждал, что внутренняя форма языка фиксирует особенности национального миропонимания. Продолжение развития его идей нашло отражение в учении А.А. Потебни о внутренней форме слова, открывшем перспективы для исследования национально-специфических черт в области номинативной и семантической специфики языковых форм. Внутренняя форма выступает как выражение национальной специфики языка. Внутренняя форма слова не является обязательным компонентом его значения, т.к. в языке есть слова, в которых она затемнена или совсем утрачена. В этом случае обращение к этимологии слова позволяет эксплицировать смыслы (в том числе и сакральные), которые были значимы в момент возникновения слова как знак того образа предмета, который возникает в сознании номинатора в результате накопления человеком познавательного опыта, знания о том, что нас окружает. Последнее и составляет основу картины мира. В лингвистике особо подчеркивается многомерность параметров языковой картины мира в целом и в частных ее фрагментах (Т.И. Вендина, О.А. Корнилов, А.Д. Шмелев и др.).

В современной лингвистике отмечается множество подходов к описанию языковой картины мира. Ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и «наивного», донаучного взгляда на мир, при этом учитывается национальная специфика языковых форм составляющих цельную языковую картину мира (см. об этом Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, Ю.Е. Прохоров, С.Г. Тер-Минасова, Е.В. Урысон и др.).

Другое направление в изучении этого феномена связано с психолингвистическими основами исследования речевой деятельности (Н.И. Берсенева, Т.А. Гридина, И.А. Стернин и др.). Языковая картина мира рассматривается также в региональном аспекте (С.М. Белякова, О.И. Блинова, В.Н. Гришанова, К.И. Демидова, Е.Н. Елеонская, Л.О. Занозина, Н.Г. Ильинская, Н.И. Коновалова и др.) и через национально-культурный компонент (В.Н. Телия, В.А. Маслова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

Так, например, в трудах Ю.Д. Апресяна языковая картина мира получает дополнительное название «наивная» [Апресян 1995: 39]. Согласно его кон-

цепции, она отражает множественность подходов к выражению одного и того же смысла. По его мнению, исследование наивной картины мира идет в двух основных направлениях. Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, это, прежде всего, «стереотипы» языкового и культурного сознания; ср. типично русские концепты *душа, тоска, судьба и др.* С другой стороны это специфические коннотации неспецифических концептов. Культурные различия в коннотациях настолько важны, что их приходится учитывать при декодировании национально-культурной идиоматики фольклорных текстов, связанных с ритуалами, обрядами и т.п.

Н.И. Береснева отмечает, что языковая картина мира «в виде значений языковых знаков, составляющих семантическое пространство языка, является вторичной, опосредованной и поэтому не влияет на мышление и поведение. И напротив, мышление, поведение определяются когнитивной картиной мира, выступающей в виде концептов, образующих концептосферу, которая является непосредственной, первичной. Языковая картина мира представляется более узкой и бедной, не выражающей богатства, бесконечного разнообразия концептосферы» [Береснева 2004:15]. Языковая картина мира является частью картины мира. Это «человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке [Маслова 2001:64]. Познание внутренней формы языка через внутреннюю форму слова дает возможность исследования мотивированности языковой картины мира, в том числе и через выявление отражения в языке стереотипов языкового сознания.

Язык является средством формирования и существования знаний человека о мире. Человеком в слове фиксируются результаты познания. Совокупностью этих значений является языковая картина мира индивида, которая всегда формируется под влиянием представлений всего народа, под влиянием уже существующих образцов и моделей, то есть определенных стереотипов. Разработке теории стереотипа посвящены работы многих исследователей (см., например: Ю.Д. Апресян, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, У. Липпман, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров и др.). Социологи, психологи, этнографы, лингвисты рассматривают в стереотипе, прежде всего, те характеристики, которые отражают его роль в сфере их исследования. Выделяются социальные стереотипы, социокультурные стереотипы речевого общения, этнокультурные, культурные, и т.д. В понимании лингвокультурологов стереотип – «это некое минимизированное и национально-детерминированное представление об объекте или ситуации» [Маслова 2004: 66]. Культурные стереотипы усваиваются человеком с момента его идентификации с определённой культурой, с определённым этносом, с момента осознания себя их элементом. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров рассматривают национальные стереотипы, как установки, с помощью которых «одна национальная группа воспринимает и, что самое главное, оценивает другую» [Верещагин, Костомаров 1973: 137]. В этнокультурных стереотипах отражаются традиции, суеверия, обычаи,

обряды², народный календарь природы, поверья, ритуалы³ и т.п. Информация о них зафиксирована в языковых формах.

В данной работе лингвокультурологическое исследование «культурно-носных» знаков – народных названий растений – основано на интерпретации заключенной в них этнокультурной информации.

Одним из фрагментов языковой картины мира является народная фитонимия. Рассмотрим ее с точки зрения отражения в ней традиций народной культуры. Русская культура синкретична в плане отражения в ней языческих и христианских верований. «Отдельные слои и фрагменты народной культуры по-разному насыщены элементами христианства (первый компонент), не-славянского язычества или ахристианства (третий компонент) и славянского язычества (второй компонент) [Толстой 1995: 59]. В сознании человека представлены языческие и христианские образы. В фитонимии этот синкретизм особенно заметен, в одной системе мы можем обнаруживать самые разные представления. Однако «единицами языка культуры могут быть не только вербальные символы, но и знаки другой природы – предметы, действия, изображения и т.п., чьи символические значения могут быть тождественными семантике вербальных элементов, а могут создавать с ними сложное синкретичное целое» [Толстой 1995: 291]. Это находит отражение в традиционной народной лексике, в том числе в фитонимии как одном из участков денотативного пространства русской культуры. Мир растений осваивается в русской культуре разными кодами⁴: в системе образов, хозяйственно-бытовых, родильных, крестильных, семейных и т.п. обрядах, в практике народной медицины и т.д.

Наиболее интересной в плане лингвокультурологической интерпретации народных названий растений нам представляется сакральная фитонимия, так как в ней отражаются самые разные аспекты представлений русского народа, как о реальной действительности, так и о сфере сверхъестественного.

Одним из способов закрепления и представления сакральных смыслов в слове является внутренняя форма, мотивирующая номинацию. Поскольку мотивированность является свойством слов, в которых связь звучания и значения объяснима для носителей языка, то, естественно, «мотивированность

² **Обряд** - совокупность действий, лиц, предметов, объединенных общностью срока и терминологии и имеющих некоторое смысловое единство.

³ **Ритуал** – формально и содержательно самостоятельный фрагмент, соответствующий некоторому отдельному, законченному и обычно мотивированному действию, входящему в обряд. Так, купальский обряд в Полесье, приуроченный ко дню Иоанна Крестителя, распадается на ряд автономных ритуалов: возжигание огня, борьба с нечистой силой, бесчинства, карауленье солнца и т. д. [Толстая 2005: 425].

⁴ **Код** – Правило, позволяющее соотносить (сопоставлять) с каждым передаваемым сообщением некоторую комбинацию различных сигналов [Ахманова 2004: 198].

каждой конкретной единицы может быть определена с учетом языкового сознания говорящего на данном языке, диалекте» [Блинова 1989: 123].

В зависимости от средства мотивировки выделяются следующие типы мотивированности: **абсолютный и относительный. Абсолютный тип** создается за счет соотнесения слова с внеязыковой действительностью. Абсолютной мотивированностью характеризуются, прежде всего, разного рода «звукоподражания», отражающие явления живой и неживой природы. Под **относительным типом** мотивированности слова понимается «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [Блинова 1984: 15]. Если рассматривать мотивированность применительно к народной фитонимии, то примером первого типа может быть номинация, отражающая результат восприятия шумовых эффектов: *шишебарник – шуршащее растение*. Эта же номинация при осознании ее мотивированности путем соотнесения с другим словом языка – *шишка* – может рассматриваться как пример второго типа: *шишебарник – это кустарник, плоды которого похожи на шишки*.

В зависимости от средства мотивировки выделяются следующие **типы мотивированности**, характерные для слов с относительным типом: **семантический и морфологический**, к последнему в свою очередь относятся **лексическая и структурная** мотивация. Источником выявления разных типов мотивированности слова служат показания языкового сознания.

Семантический тип мотивированности (разновидность типа относительной мотивированности, выраженной лексико-семантическими средствами языка). Например, *бараний язык. Луговое травянистое растение с небольшим пушистым стеблем, фиолетовыми цветками, лепестки которого похожи на бараний язык. Когда по лесу идешь, он пристаёт, как будто баран лижет* [КС: 25]. В показаниях языкового сознания семантическая мотивированность выражается через сопоставление данного слова с исходным, послужившим базой для метафорического или метонимического переноса наименования с одного предмета на другой и оформляется одним из средств выражения сравнения.

Разнообразны способы выражения в показаниях языкового сознания **морфологического типа мотивированности** (разновидность типа мотивированности, выраженной посредством морфем). К этому типу относятся **лексическая и структурная** мотивация, также выявляемая с помощью показаний языкового сознания.

Лексическая мотивированность (разновидность относительного типа мотивированности, связанная с выражением мотивировочного признака обозначаемого в слове, т.е. тот реальный признак предмета, который кладется в основу его наименования). В показаниях языкового сознания обнаруживается словом-конкретизатором, или мотивирующим однокорневым словом

(например, название растения *лешак*, лексический мотиватор *леший*: «в славянской мифологии человекообразное сказочное существо, живущее в лесу, дух леса, враждебный людям» [Ож.: 325]. Названо от слова *леший*, ядовитое растение; *кильная трава*. Ср. кила – грыжа. Кильна трава от *кылы* (1, Ту-гул.) [КС: 101].

Структурная мотивированность (разновидность типа относительной мотивированности), связанная с выражением классификационного признака в слове. Под классификационным признаком понимается как признак принадлежности данного слова к более крупным обобщенным лексико-грамматическим классам слов – частям речи (отсюда – признак предметности, процессуальности, признаковости и т.д.), так и признак принадлежности к более мелким конкретным тематическим классам слов, например, к названиям ягод, трав, помещений и т.д. В показаниях языкового сознания подобная мотивированность обнаруживается чаще всего словом-идентификатором и одноструктурным словом, содержащим ту же формантную часть, что и у мотивированного слова, например, на толкование названия растения *ястребинка* даны названия *лечеглазКА*, *глазиночКА* (данные обратного ономаσιологического эксперимента).

Показания языкового сознания позволили выявить **явление полимотивации** слова как у одного, так и у разных носителей диалекта. Под полимотивацией понимается такой тип мотивации, при котором слово имеет несколько мотивирующих его единиц. Преимущество показаний языкового сознания как источника анализа особенно очевидно в тех случаях, когда звуковая форма мотивирующего слова не полностью налагается на звуковую форму мотивирующего им слова. Так, была выявлена полимотивация некоторых фитонимов, например, *Сердцева трава*: *У сердцевой травы листки сердечками* [КС: 182], *сердцева трава*, т.к. листики в форме сердечками. *Сердцева трава от сердца помогают* [КС: 182], *сердцева трава*, т.к. применяется для лечения сердца.

Итак, носитель языка, вычленив тот или иной значимый сегмент слова, может связать ассоциативно такое слово с соответствующим словесным или морфемным аналогом данного слова, а может и не осознавать этой связи. Так, например, вычленив компонент слова *зверобой* — *ЗВЕРЬ* и *БОЙ*, не все носители диалекта (или литературного языка) могут объяснить их связи с *зверь* и *бить*. Причем показания языкового сознания позволяют определить разные стадии процесса осмысления мотива наименования, неодинаковость протекания этого процесса в речи разных социально-возрастных групп.

На основе показаний языкового сознания выявляются также такие компоненты слова как **мотивационная форма** и **мотивационное значение**. Под мотивационной формой понимаются значимые сегменты звуковой оболочки слова (лексемы), обусловленные его мотивированностью, например, мотивационная форма названия растения *богородКА* вызывает ассоциации, объеди-

ненные значением ‘насекомое’, что объясняется идиоматичностью семантики словообразовательного форманта и его широкой референтной отнесенностью, ср. *божья коровКА, стрекозКА* – ‘насекомое’; *полянКА, лужайКА* – ‘место’. Под мотивационным значением понимается синтез значения мотивационной формы, например: *подснежник* — *под/снеж/ник* – ‘растение под снегом’. Причем, если мотивационную форму как только материальную часть знака носители диалекта не выделяют, то мотивационное значение они осознают и выражают либо как самостоятельное, реально существующее значение слова, проецируемое на мотивационную форму слова или ее часть, либо как значение, «вплетенное» в лексическое, что обнаруживается при толковании слов носителями диалекта. Так, например, в названии *дурнопьян* выражены оба компонента мотивационного значения слова: *дурнопьян* – *дурманит, дурнопьян, <делает> пьяным, безголовым*, эти компоненты как бы совмещены с семами ‘дурной’, ‘пьяный’, входящими в лексическое значение слова. *С ево голова кругом, потому дурман, дурманит он* [КС: 76]. Осознание носителями диалекта мотивационного значения слов обнаруживается чаще всего в случаях, когда поясняется мотивировка слова и когда мотивационное значение начинает противоречить мотивационной форме (например, *благовонник*).

С помощью показаний языкового сознания можно определить, является ли мотивационное значение индивидуальным (при единичности фиксаций) или узуальным (при регулярно получаемых показаниях), постоянным или вариантным, по данным показаний языкового сознания можно составить представление о способах выражения и толкования мотивационного значения слова. Мотивационная форма и мотивационное значение слова являются составляющими внутренней формы слова. Именно эти компоненты в единстве воплощают в слове мотивировочный и классификационный признаки (если слово полностью мотивировано) или один из них (если слово полумотивировано). Носителем языка ярче осознается реализованный в слове мотивировочный признак. Приведем пример, демонстрирующий вариативность осмысления мотива номинации: *перенос – трава помогают немочь перенести; она сама переносится по ветру, никто ее не садит* [КС: 154-155]. Название дано траве по связи с тем, что ветер переносит ее с места на место (она сама переносится по ветру) – *трава, быстро размножающаяся*. Затем происходит переосмысление указанного мотивировочного признака по отношению к человеку – *помогат немочь перенести*.

Показания языкового сознания как источник лексикологического исследования только начинают изучаться, осмысливаться, особенно в рамках лингвокультурологических изысканий.

Глава 2. «Лингвокультурологическая интерпретация сакральной фоники» состоит из следующих разделов: «Названия растений с прозрачной внутренней формой, которая указывает на связь со сферой сакрального»

(2.1); «Названия растений с прозрачной внутренней формой, которая не отражает связь со сферой сакрального» (2.2); «Названия растений с затемненной внутренней формой» (2.3.). В главе представлен анализ особенностей функционирования сакральной фитонимии в литературном языке и говорах, а также модель комплексного анализа сакральной фитонимии с учетом типа транслируемой культурной информации.

В рамках лингвокультурологического анализа возможно выявить, как воплощена культура в содержании сакральной фитонимии, определить смысл культурно-национальных коннотаций.

Сакральная фитонимия, как уже отмечалось выше, неоднородна: сакральные смыслы могут выражаться как мотивировочным признаком, лежащим в основе фитонима, так и семантической структурой в целом. Кроме того, сакральные смыслы народной фитонимии могут выявляться посредством анализа показаний языкового сознания и идиоматики. Естественно, интерпретация разных типов фитонимов базируется на разных процедурах. Если для выявления сакрального смысла в одном случае достаточно определить мотив наименования (в словах с прозрачной внутренней формой), то в других случаях необходимы дополнительные исследовательские процедуры (элементы этимологического анализа, контекстуальный анализ, психолингвистические эксперименты и пр.).

Наше исследование языкового материала показало, что сакральные смыслы могут быть выражены в семантической структуре фитонима по-разному: прозрачной внутренней формой, контекстами употребления, лексическими мотиваторами соответствующих семантических полей ‘названия святых’, ‘названия нечистой силы’, ‘названия магико-ритуальных действий’ и т.п. Разработанный нами пошаговый алгоритм описания сакральных фитонимов включает в себя следующие процедуры:

I. Определить к какому типу по характеру мотивированности относится фитоним: название с прозрачной или затемненной внутренней формой.

1. Если фитоним с прозрачной внутренней формой, то определить, отражает ли она сакральный смысл:

а) если фитоним отражает сакральный смысл через соотнесение с определенными лексическими маркерами (*шептуха, баяльная трава, Бог, Богородица, леший, ведьма*), то необходимо определить значение сакрального компонента по толковому словарю;

б) если сакральный смысл фитонима не эксплицирован, то необходимо определить, какую культурную информацию содержит фитоним, обратившись к словарным дефинициям, легендам, контекстам культурологических, мифологических словарей.

2. Если фитоним с затемненной внутренней формой, необходимо, прежде всего, определить его значение по этимологическому словарю и выявить исходную мотивацию (сакрального или профанного характера).

II. Выявить коннотации сакрального характера посредством анализа контекстов употребления фитонима и показателей языкового сознания носителей языка, полученных экспериментальным путем.

Рассмотрим эти способы представления сакральной информации:

Названия растений с прозрачной внутренней формой, которая указывает на связь со сферой сакрального. Этот тип фитонимов представляют названия, в которых этнокультурная информация легко прочитывается с учетом культурной коннотации, закрепленной в лексическом значении.

Анализ материала позволил выявить несколько групп фитонимов с сакральным компонентом:

Названия растений, внутренняя форма которых указывает на их лечебные свойства. Заметим при этом, что к сакральной фитонимии мы относим не любые фитонимы, мотив номинации которых указывает на их лечебные свойства, а лишь те, которые используются в традиционной народной медицине, знахарских практиках, обрядах.

Вередовец. Название дано, очевидно, по характеру использования: в народной медицине применяется от нарывов (ср. *веред* – «*нарыв, чирей*») [КС: 48]. Ср. антропоморфизацию сил зла, когда неодушевленному предмету приписываются человеческие свойства, например *чирей* – ‘о человеке’. *Хозяин, что чирей, ваше превосходительство* [НКРЯ]. Растение использовали в черной магии, для того, чтобы навредить кому-нибудь [данные эксперимента]. Ср.: **вредный** «причиняющий вред, опасный» [Ож.: 106]. «Толкования возникают в результате спонтанной этимологической рефлексии, т.е. восстановление исходной семантической связи слов «ст. слав. врѣдь и др. русск. вередь от прасл. * verd «нарыв, гнойник» [МФ т.1: 295]. В ходе исторического развития происходит абстрагирование от конкретного признака и переосмысление значения корня как «любой вред, наносимый человеку».

Названия растений, внутренняя форма которых связана с названием святых, крестных сил. Через лексемы-мотиваторы *Богородица, Иисус Христос, Бог* в семантике фитонима актуализируются признаки «универсальное средство от всех болезней», «растение, обладающее необычными волшебными свойствами», «одно из лучших кормовых растений» [Гридина, Коновалова 2001: 36].

Так, например, положительная характеристика с использованием этих лексем представлена в следующем контексте: **богородичник**. *Раньше когда были больные, окуривали богородицыной травой, эслиф в комнате повесить тучки богородичнику, больному делатца лучше, делают из ево сонные подушки, еще в квас добавляют* (2, Серовск.) [КС: 37]. Фитоним *богородичник* выражает положительную оценку с помощью лексического мотиватора *Богородица* – «В Христианстве Дева Мария – мать Иисуса Христа») [Ож.: 53], мотиватор связан с ассоциативным полем «святая», ср. показания [РАС т.1: 59], где на стимул *Богородица* из 103 полученных реакций – реакция «святая» – 25. К этой группе относятся также названия, содержащие имена христианских и языческих святых (*Адам, Фрол, Лавр, Петр,*

Юрий, Аграфена), такие названия содержат культурный компонент, связанный с народным календарем природы, с ритуалами, обрядами и народными праздниками: *адам-трава*. «И эту травку *рвать с крестом господним и говорить*: «*Отче наш, помидуй мя Боже*». И трава та есть царь во всех травах [КС: 17]. По поверью полезна от всяких болезней [СРНГ т.1.: 206]. *Адамова голова*. Считалось, что эта трава, сорванная в ночь на Ивана Купалу, после Великого четверга становится чудодейственной [КС: 18]. Цветок растения, которому приписывается чудодейственная сила [СРНГ т.1.: 205].

Названия растений, внутренняя форма которых указывает на связь с нечистой силой. К этой группе относим названия, в которых через лексем-мотиваторы *ведьма, бука, черт, сатана, дьявол, леший* и др. в семантике фитонима актуализируются признаки «вредный», «ядовитый», «используемый в колдовском ритуале» [Гридина, Коновалова 2001: 37]. Так, например отрицательная характеристика с использованием этих лексем представлена в следующем контексте: *чертово зелье*. *Обходят ево, кто знат, кто не знат, дак до смерти обнюхатца, это где ко'ры, там чёртово зелье* (1, Новолял.) [КС: 208]. Название *чертово зелье* выражает отрицательную оценку обозначаемого, т.к. наименование нечистой силы ассоциативно связано с полем общей отрицательной оценки (зло), противопоставленной общей положительной оценке (добро, благо). Фитоним *чертово зелье* выражает отрицательную оценку с помощью лексического мотиватора *черт* – «в религии и народных поверьях: злой дух, олицетворяющее зло сверхъестественное существо в человеческом образе, с рогами, копытами и хвостом» [Ож.: 884]. Номинация связана с ассоциативным полем «нечистая сила, страх», Ср. *черт в славянской мифологии злой дух... Черти в народных верованиях постоянно вмешиваются в жизнь людей, причиняют мелкие неприятности, принуждают к неоправданным поступкам* [МС: 595]. Конкретизирующий компонент *зелье* в разных контекстах употребления может выступать с разными оценочными коннотациями: а) может содержать нейтральную характеристику растения, т.к. в основе – лексический мотиватор *зелье = трава* – «лечебный, ядовитый или, по старинным народным представлениям, привораживающий настой, преимущественно из трав» [Ож.: 228]; б) может иметь положительную коннотацию (ср. сему ‘лечебный’ настой); в) может иметь отрицательную коннотацию, т.к. одна из сем ‘ядовитый’ связана с ассоциативным полем зло. В современном употреблении лексический мотиватор *зелье* имеет только отрицательную коннотацию.

В целом названия растений, проанализированные выше, содержат, кроме собственно национально-культурной коннотации, оценочные компоненты.

Названия растений с затемненной внутренней формой

Выше, при рассмотрении названий с прозрачной внутренней формой, мы наблюдали, что она может указывать на наличие сакральных смыслов, а может и не отражать связи со сферой сакрального. В этом случае на наличие сакральных смыслов указывает легенда или контекст. Но мотив наименования

не остается неизменным с течением времени, исходный мотив может забываться, может изменяться фонетическая, словообразовательная структура слова, затемняя первоначальные связи между мотивирующим и мотивируемым. Анализ подобных номинаций растений позволил разделить их на две группы: заимствованные названия (с изначально неясным мотивом наименования) и собственно русские с преобразованным фонетическим и/или структурным обликом (изначально соотносимые с сакрально маркированным мотиватором).

1. Заимствованные слова, например, *дягиль*, укр. дягиль, блр. дзягіль, польск. *dziegiel*, в.-луж. *džehel*. Из **degyľ* или **degly*. Поскольку это растение применяется как лекарство, название, по-видимому, связано с дягльй, дягнуць и предыдущими словами. [МФ т.2: 561]. => Исходное значение «дягльй, дягнуць». Полезен против очарования (= порчи колдовством, чарами). Маленькие дети, носящие растение на шее, предохраняются от порчи [КС: 80].

2. Собственно русские, которые имеют преобразованный фонетический облик, например *Шишебарник*. Растение, применяемое как средство против сибирской язвы [Производное от шишобар, шиш «черт» и бороть (см.), ср. чертополох] [МФ т.4: 445]. Неспроста его и называли шишебарником: шиш – значит «бес», а бара – «борьба» [КС: 211].

Таким образом, можно отметить, что процедура «считывания» сакральной информации фитонима зависит от характера его мотивированности. Лингвокультурологическая интерпретация основана на декодировании различными способами сакрального содержания. Особую сложность вызывает анализ фитонимов с затемненной внутренней формой. Это связано с процессами, отражающими динамику информативной функции исходного мотива наименования, который может не осознаваться современными носителями литературного языка (говора).

Лингвокультурологическая интерпретация сакральной фитонимии дает возможность выявить способы воплощения традиционной народной культуры в содержании названий растений. Этому способствует определение оценочных коннотаций, которые сопровождают функционирование фитонима с прозрачной внутренней формой, указывающей на связь с сакральным содержанием. Базовыми единицами лингвокультурологической интерпретации являются наименования, само лексическое значение которых содержит семы, относящиеся к сфере сверхъестественного ('святой', 'божественное' и 'демонический' и т. д.). Кроме того, важным компонентом лингвокультурологической интерпретации сакральных фитонимов являются показания языкового сознания (когда на связь номинации со сферой сакрального указывает легенда или контекст).

Таким образом, сакральная фитонимия отражает тесную связь процессов получения типowego знания об обозначаемом с ментальными национально-культурными стереотипами воплощения этого знания в названии.

Глава 3. «Выявление этнокультурной информации через показания языкового сознания» состоит из следующих разделов: «Свободный ассоциативный эксперимент» (3.1), «Направленный ассоциативный эксперимент» (3.2.), «Ономастиологический эксперимент» (3.3), «Метод прямого толкования» (3.4).

Контексты употребления сакральных фитонимов, приведенные в слова-рях, не всегда позволяют сделать вывод об актуальности для носителей языка культурологических компонентов значения сакральных фитонимов. Для выявления тенденций, связанных с функционированием сакральной фитонимии в современном литературном языке и говорах, мы использовали серию психолингвистических экспериментов.

Глубина считывания сакрального прецедента, как показывает практика, разная. Семантика сакральной идиоматики многослойна, поверхностный слой связан с профанными, бытовыми (обыденными) ситуациями, хотя уже сам факт выделения клишированной формулы свидетельствует о прагматической значимости ситуации, с ней связанной.

Сбор материала проводился с мая по декабрь 2006 года. В ходе серии экспериментов было опрошено 80 человек разного возраста (от 17 до 78 лет), пола, уровня образования, разных регионов России. Родной язык всех информантов русский. В отборе группы для серии экспериментов немаловажен возрастной состав участников эксперимента: к 17-25 годам формирование языковой личности в основном завершается, и ее структура остается относительно стабильной на протяжении всей жизни. Кроме того, мы учитывали общепризнанный социолингвистами тезис о влиянии на направление ассоциирования профессии, образования, места жительства, гендерных различий.

В ходе эксперимента исследовались 10 названий растений с прозрачной и затемненной внутренней формой: *ум-да-разум, вередовец, богородка, адамов корень, ведьмино зелье, чернобыльник, шишебарник, лешак, разрыв-трава, дюделяшка*. Названия отобраны не случайно: в качестве стимулов предлагались фитонимы с разными способами выражения сакральной семантики. Так, в фитонимах с прозрачной внутренней формой сакральная семантика чаще всего выражена с помощью лексических средств. В названиях же с затемненной внутренней формой основным маркером сакрального является легенда или контекст, сопровождающие функционирование фитонима.

В свободном ассоциативном эксперименте гипотеза базировалась на предположении, что в ходе эксперимента будут выявляться наиболее стереотипные, базовые реакции представленные в языковом сознании носителей современного русского языка и связанные с культурным фоном. Испытуемым предлагалось записать первые три реакции на слово-стимул.

Обработка полученных в ходе эксперимента реакций позволила сделать следующие выводы: а) ассоциативные поля предложенных в ходе экспери-

мента стимулов можно рассматривать как полиядерные, поскольку выделяются семантические группы ассоциатов, объединенные несколькими значениями; б) во всех слоях периферийной зоны обнаруживаются реакции, «поддерживающие» ядерные ассоциаты отмеченных групп; в) группировка ассоциатов по типам семантических отношений со стимулом может свидетельствовать о наличии нескольких ассоциативных доминант в направлении ассоциирования.

В целом можно отметить **тенденцию к десакрализации фитонимов** с исходной сакральной семантикой, что связано и с **тенденцией к десемантизации** фитонимов, чаще всего не осознаваемых большинством испытуемых как названия растений.

Данное обстоятельство обусловило необходимость в проведении **направленного ассоциативного эксперимента**, гипотеза которого была сформулирована нами следующим образом: так как нами вводится ограничение в направление ассоциирования, то будут выявляться глубинные связи слова-стимула именно с номинацией растения, представленные в языковом сознании носителей современного русского языка. Следовательно, могут возникать реакции, связанные с фоновыми культурными знаниями носителей языка о растениях и их номинациях. Данный эксперимент позволяет выявить в ряду других культурных компонентов семантики фитонима наличие в сознании испытуемых сакральных смыслов, связанных с народными названиями растений, а также актуальность этих смыслов.

На основе полученных данных следует отметить, что в направлении ассоциирования в 75 % случаев испытуемые связывают реакции с денотативной сферой ‘растения’.

Эксперимент позволил выявить психологическую реальность в семантике фитонимов следующих сакральных компонентов:

– ‘растение, используемое в народной медицине’: **богородка** (*помощь при родах, снадобье и др.*);

– ‘растение, обладающее сверхъестественными свойствами’: **ум-да-разум** (*разумное, умно произрастает*); **разрыв-трава** (*разлука, разлучница, разочарование, потеря*);

– ‘растение, обладающее одурманивающим действием’: **разрыв-трава** (*дурь*); **ум-да-разум** (*галлюцинация, опьянение, психотропное средство*);

– ‘растение, священное, мифологическое’: **адамов корень** (*Адам, Ева, Адамовское яблоко, змей-искуситель, мифологическое растение*);

– ‘растение, используемое в колдовстве, обрядах, ритуалах’: ср. **ведьмино зелье** (*колдовство, приворот, заговор, магия, ворожба, колдовское*).

Наиболее актуальными для испытуемых являются сакральные смыслы: ‘растение, используемое в народной медицине’ – **адамов корень** (22%), **ум-да-разум** (18%), **богородка** (11%); ‘растение, священное, мифологическое’ –

адамов корень (24%), *богородка* (7%); ‘растение, используемое в колдовстве, обрядах, ритуалах’ – *ведьмино зелье* (51%).

Отметим, что сакральные смыслы чаще всего актуализируются испытуемыми в том случае, если внутренняя форма слова-стимула указывает на связь со сферой сакрального.

При направленном ассоциативном эксперименте, количество реакций, передающих сакральное содержание, увеличивается с 15 % до 17 %. Это связано, прежде всего, с тем, что растения в практической деятельности человека являются источником культурологической информации, в том числе и сакральной.

В целом тенденция к осознанию сакральной информации в большей степени проявляется в ассоциативном поле стимулов с прозрачной внутренней формой, нежели синхронно не мотивированных стимулов. В последнем случае направления ассоциирования так же, как в свободном ассоциативном эксперименте, демонстрируют тенденцию к десакрализации сакральных фитонимов.

Спорадическому восстановлению сакральной семантики способствуют ложноэтимологические сближения предложенных стимулов. Ср., например, *вередовец*, паронимастически сближаемое с *вера*, *верность*: *вередовец* – символ веры, символ верности.

Ономастиологический эксперимент позволяет при направленной рефлексии выявить осознание испытуемыми исходного мотива наименования и его связь (или отсутствие связи) с сакральным содержанием. Мы предполагаем, что при рефлексии над немотивированными наименованиями испытуемые будут ориентироваться на случайное звучание слова и его структурный облик, в результате чего должны возникать реакции, основанные на народно-этимологических сближениях. В случае же ассоциативного поиска на стимул с прозрачной внутренней формой должны возникать реакции, ориентированные на выявление ассоциативных связей родственных лексем.

Испытуемым было предложено объяснить, почему растения (те же 10 наименований, что и в первых экспериментах) так названы.

Результаты показали, что при направленной мотивационной рефлексии носителей языка над мотивом наименований сакральная информация осознается в большей степени: количество соответствующих реакций возросло с 17 % до 30 %. При этом обнаруживается отмеченная выше закономерность: если внутренняя форма сакрально маркирована, т.е. в качестве мотиватора используется единица семантических полей ‘божественное’, ‘нечистое’ в толкованиях-объяснениях регулярно отмечается сакральная информация (*Адамов корень*, *Богородка*, *Ведьмино зелье*); если же внутренняя форма не отражает связи со сферой сакрального, сакральная информация осознается в меньшей степени (*Чернобыльник*, *Разрыв-трава*).

Метод прямого толкования позволяет выявить метаязыковую рефлексию, навыки экспликации знания о реалии в словарной дефиниции. Метод прямого толкования активизирует ориентацию носителей языка на типовые ономасиологические модели, которые представлены в сознании.

Гипотеза: Слова с прозрачной внутренней формой могут содержать культурную информацию, которая осознается современными носителями языка с разной степенью глубины. В словах с затемненной внутренней формой исходные сакральные мотивы не осознаются, и их мотивация современными носителями языка ориентирована на связь по случайному созвучию или структуре. При этом сакральная культурная информация может быть представлена в дефиниции в основной зоне толкования (через слово-идентификатор или конкретизатор), либо в периферийной зоне толкования (в словосочетании, иллюстративном материале как дополнительный компонент семантизации).

Метод прямого толкования позволил выявить, на какие типовые ономасиологические модели ориентируются носители языка при составлении словарной дефиниции.

Толкования, предложенные испытуемыми, содержат следующую сакральную информацию: ‘название растения, используемого в народной медицине’; ‘название растения, обладающего сверхъестественными свойствами’; ‘название растения, обладающего одурманивающим действием’; ‘название растения, связанного с легендой, волшебством’; ‘название растения, используемого в колдовстве, обрядах, ритуалах’.

В **Заключении** содержатся выводы и намечаются перспективы исследования, заключающиеся в использовании предложенной модели лингвокультурологической интерпретации сакральной фитонимии для описания других фрагментов русской языковой картины сакрального. Кроме того, перспективным представляется создание лингвокультурологического словаря сакральной фитонимии, с применением интерпретации заключенной в них культурной информации.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Бурмистрова, Т.Н. Сакральная фитонимия как отражение стереотипов национального сознания / Т.Н. Бурмистрова // «Вестник МГОУ» серия «Русская филология». — Москва, 2007. — № 3. — С.62–65.

Публикации в других изданиях:

2. Бурмистрова, Т.Н. Показания языкового сознания как источник лингвокультурологического исследования фитонимов / Т.Н. Бурмистрова // Лексикология, лексикография, диалектная лингвогеография. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 3. — С.4—10.

3. Бурмистрова, Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологическая интерпретация / Т.Н. Бурмистрова // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург.: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. — С.16—20.

4. Бурмистрова, Т.Н. Лингвокультурологическая интерпретация сакральных фитонимов с прозрачной внутренней формой / Т.Н. Бурмистрова // Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте. Материалы Междунар. научн. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Екатеринбург, 24-26 апреля 2008 г. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. — С. 36—41.

5. Бурмистрова, Т.Н. Культурная коннотация в народной фитонимии / Т.Н. Бурмистрова // Человек в мире культуры: сб. матер. межвуз. науч. конференции молодых ученых. Екатеринбург, 16 марта 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005. — С. 67—69.

6. Бурмистрова, Т.Н. Языковая картина мира в лингвокультурологическом аспекте / Т.Н. Бурмистрова // Философия и наука: материалы V-й региональной научно-практической конференции аспирантов и соискателей «Философия и наука». Екатеринбург, 25 апреля 2006 г., / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — С. 12—14.

7. Бурмистрова, Т.Н. Лингвокультурологическое исследование народных названий растений / Т.Н. Бурмистрова // Педагогический поиск — Пушкино: АНТИ, 2008. — С.59—61.

8. Бурмистрова, Т.Н. Семантическая структура народных названий растений / Т.Н. Бурмистрова // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. / Саранск. — Саранск, 2007. — С. 508.

Подписано в печать 27.04.2008. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага для множ. аппаратов. Гарнитура «Times». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ
Оригинал-макет изготовлен и отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru